ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN—POLONIA
VOL. I, 11 SECTIO FF 1983

Instytut Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej
Wydziału Humanistycznego UMCS

Anna JEMELJANIUK

К проблеме жанра стихотворных посланий В. А. Жуковского

Liryka epistolarna W. A. Żukowskiego. Problem gatunku

La lyrique epistolaire de W. A. Żukowski. Le problème du genre

Стихотворные послания В. А. Жуковского до сих пор продолжают оставаться наименее изученной областью его лирического наследия. Интерес к ним появился только в истекшем десятилетии (статьи Е. П. Мстиславской, Н. А. Портновой, 1970 и диссертация С. А. Матяш, 1974).[1] До сих пор послания рассматривались лишь в связи с некоторыми общими историко-литературными проблемами, без соотнесенности с понятием жанра, и чаще всего с точки зрения их идейно-тематического содержания. Такое положение обусловлено тем неоспоримым фактом, что основной во всей поэзии Жуковского стала элегическая эмоциональная тональность, а элегический стиль внедряется в образцы почти всех жанров. В силу именно этого обстоятельства в науке сложилось о Жуковском представление преимущественно как об авторе элегий. Между тем стихотворные послания (около 100 произведений) составляют в его лирике число вдвое превышающее элегический жанр (не более 50 элегий). Работа над посланиями была начата Жуковским в половине 1800-х годов и не прекратилась даже в 30-е годы, когда его интерес к другим лирическим жанрам полностью угасает. Последнее послание — „Поэту Ленепсу" — возникло в 1839 г.

[1] Е. П. Мстиславская: „Жанр посланий в творческой практике В. А. Жуковского (1800—1910 гг.)" [w:] „Вопросы русской литературы". Уч. зап. № 389, М. 1970; Н. А. Портнова: „Лирика В. А. Жуковского в годы национального подъема (1812—1913)" [w:] „Вопросы русской литературы". Научные труды Новосибирского пединститута. Вып. 59, Новосибирск 1970; С. А. Матяш: „Стих В. А. Жуковского". Дис. на соис. уч. ст. канд. филол. наук, Л. 1974.

Данные обстоятельства представляются вполне достаточным обоснованием необходимости рассмотреть эпистолярную поэзию Жуковского как целостную систему, тем более, что речь идет о поэте переходной эпохи. Но первостепенную важность приобретает здесь тот аргумент, что в современном литературоведении сама теория жанра послания недостаточно разработана. Появившийся еще в I-ой половине XIX в. двойственный подход к жанровой специфике послания,[2] существует по сегодняшний день. На том основании, что форма послания с трудом поддается канонизации и является очень синтетической по содержанию, неоднажды ставится под сомнение его жанровая самостоятельность. В современной советской науке встречаются мнения (Г. Н. Поспелов), что „В лирике [...] послание — не жанр",[3] ибо оно лишено своего специфического содержания. Композиционные же свойства стихотворного письма не признаются жанровым признаком. Однако исследование посланий автора „Людмилы" позволяет поставить под сомнение подобные точки зрения. По своей тематике и по способу ее раскрытия эпистолярная лирика поэта составляет особую систему, во многом отличную от других культивированных им жанров.

Настоящие наблюдения, однако, не преследуют цели дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику посланий Жуковского. Для нас важно выявить, чем было поэтическое послание в творческой практике и в теоретических представлениях Жуковского, а также наметить основные тенденции в развитии его эпистолярной лирики.

Расцвет эпистолярного жанра в творчестве Жуковского падает на середину 10-х годов XIX в. Подавляющее большинство стихотворных писем (свыше восьмидесяти) было написано им с середины 1800-х годов по 1820 г. включительно. Позже послания в лирике поэта возникали эпизодически. Важно подчеркнуть, что это было вполне согласно с общей закономерностью в развитии стихотворного послания в России. Именно в указанные годы вырабатывается законченная форма и поэтика данного жанра.[4]

Теоретические высказывания о жанре посланий никогда и нигде Жуковским не были сделаны. Тем не менее наблюдения над данной областью поэтического наследия Жуковского позволяют сделать вывод о том, что у поэта было свое очень четкое и последовательное понима-

---

[2] См.: Н. Остролопов: „Словарь древней и новой поэзии", т. I, СПб. 1821, стр. 401—402; Н. Греч: „Учебная книга российской словесности", ч. III, СПб. 1820, стр. 210, 211—255.

[3] Г. Н. Поспелов: „Проблемы исторического развития литературы", М. 1972, стр. 184; Г. Н. Поспелов: „Лирика среди литературных родов", М. 1976, стр. 153.

[4] См.: Мстиславская: ук. ст., стр. 148.

ние жанровой природы стихотворных эпистол. Интересно в этом отношении и показательно исследование первых прижизненных изданий автора „Людмилы",[5] где материал располагается не в хронологической последовательности, а, согласно бытующей в начале XIX в. традиции, по жанровым рубрикам. Учитывая также и авторские определения жанра к отдельным стихотворениям, легко можно установить, что жанр стихотворного письма поэт связывал между прочим с определенным специфическим содержанием. Так, например, многие стихотворения имеющие конкретного адресата и оформленные как письма в стихах, он помещал не в раздел „Посланий", а в „Смесь". Сказанное касается стихотворений: „Ноябрь, зимы посол", „Уединение", „Ответ кн. Вяземскому на его стихи: Воспоминание" и многих других. Эти произведения объединяет свойственное скорее элегии, чем посланию, содержание. Это тот ряд посланий, в котором с особой силой проявилась свойственная романтизму деканонизация жанров. Образцы данной группы стихотворений Жуковского можно назвать посланиями, учитывая лишь их внешний признак — форму обращения. Они содержат в себе признаки различных других жанров — не только элегии, но оды, а часто и романса („К Ней", „К Эмме") — и выходят за пределы эпистолярного жанра. Написанные в виде монолога или медитации, эти стихотворения теряют свою конкретность, присущую посланию, за счет тенденции к абстракции, а также за счет уменьшения связи автора с адресатом. Очень показательный пример такого рода стихотворений — это названное выше „Уединение". Написанное трехстопным ямбом, оно возникло как ответ друзьям на их совет устроиться при царском дворе. Данное стихотворение в подзаголовке названо отрывком — и оно действительно является стихотворным отрывком одного из писем Жуковского. Вместе с тем, однако, ни заглавие его, ни сама форма нетипичны для дружеского послания. По содержанию своему оно представляет философское рассуждение о пользе и прелести уединенного труда. Свою философию жизни поэт излагает в нем в аллегорической форме: „И три сестры, прекрасны, // Как юная весна: // ВЧЕРА — воспоминанье, // И НЫНЕ — тишина, // и ЗАВТРА — упованье; // Сидят рука с рукой".[6]

„Уединение" воспринимается как медитативная элегия. Вне контекста письма, к которому оно было приложено, его невозможно отнести к посланиям. Показательно в этом отношении также стихотво-

---

[5] Имеются в виду издания: В. Жуковский: „Стихотворения", ч. 1—2, СПб. 1815—1816; В. Жуковский: „Стихотворения", т. 1—3, СПб. 1824.

[6] В. А. Жуковский: „Полное собрание сочинений в 12-ти томах". Под ред. Архангельского, т. II, СПб. 1902, стр. 36. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

рение „Ноябрь, зимы посол", являющее собой своеобразное сочетание пейзажной лирики (описание зимней природы), медитативной элегии (излияние авторского мироощущения) и формальных признаков послания.

Следует отметить при этом, что данная группа стихотворений, которую сам поэт не причислял к посланиям, создавалась им как стихотворные письма. И элегической условности противостоит здесь реальное жизненное содержание. Так, например, „Ответ кн. Вяземскому на его стихи: Воспоминание" подводит итог конкретно пережитым поэтом впечатлениям и наблюдениям известного периода его биографии. Пересказ выраженных здесь мыслей обнаруживается во многих его письмах. И именно эпистолярная основа такого рода стихотворений не позволяла поэту объединить их в одну группу с элегиями, как поступал с подобными произведениями, например, К. Батюшков („К Дашкову", „К Гнедичу", „К Другу"). Все стихотворения, возникшие на реальной основе художественного письма, в зависимости от характера содержания помещались Жуковским в раздел „Посланий" или в „Смесь".

Ошибкой было бы считать, однако, что содержание стихотворения само по себе было для Жуковского вполне достаточной, определяющей мотивировкой жанра. Бросается в глаза, что прикрепляя жанровое определение к отдельным образцам посланий, поэт отнюдь не игнорировал их внешние признаки — художественную форму и обращение к адресату. Торжественные произведения по вопросам общественно-политическим типа „Вождю победителей", „Императору Александру", Жуковский не признавал одами и относил их в собраниях сочинений не в раздел „Лирических стихотворений", куда попадала патриотическая лирика, а включал в рубрику „Послания". Заметим, кстати, что своих од, созданных в 1797—1801 гг., поэт позже никогда не перепечатывал. Показательно, наконец, что два одноименных любовных по своему содержанию стихотворения „К Нине" получили различное жанровое определение. В подзаголовке одно из них („О Нина, о Нина, сей пламень любви") названо посланием, тогда как второе („О Нина, о, мой друг!"), которому также присуща форма обращения к адресатке, отнесено в раздел песен и романсов. Последнему их этих стихотворений свойственно строфическое строение со своеобразным, типичным песенной лирике, рефреном: последняя строка („И несравненною в кругу прелест слыла") остается неизменной во всех четырех строфах. Произведение же, названное автором посланием, является таковым прежде всего по своему астрофическому строению. Ибо наиболее характерный для Жуковского тип послания — это стихотворение, писанное вольным ямбом, астрофическое. У поэта сравнительно

немного строфических по форме посланий. Таких стихотворений (как переводных, так и оригинальных) насчитывается у него около десяти. Они возникали на протяжении всего эпистолярного творчества поэта.

Самой природой жанра обоснован, очевидно, и тот факт, что среди стихотворных писем Жуковского, вопреки его переводческим наклонностям, преобладают оригинальные произведения. Переводные (главным образом любовного содержания) стихотворения в этом жанре возникали особенно часто в ученический период — во второй половине I-го десятилетия XIX в., когда поэт осваивал разные жанры. Так, среди восьми стихотворений, созданных в 1806—1810 гг., пять являются переводами или переделками иностранных источников. В дальнейшей работе над жанром художественного письма, переводные стихотворения в лирике Жуковского являются редкими исключениями: „К Филону" и „К Эмме". Такие послания постоянно фигурируют в изданиях Жуковского под рубрикой „Смесь" („К Делию", „К Филону" и др.). Здесь, видимо, решающим оказался факт отсутствия конкретного адресата. Авторское обращение относится в них к абстрактному, не существующему лицу, вследствие чего эти стихотворения теряют присущую жанру интимность. Это не письма в стихах как таковые, ибо они вызваны к жизни исключительно желанием преподнести определенное художественное содержание широкой читающей публике. Вот почему поэт не решался объединить такие произведения в одну группу с посланиями.

Данные наблюдения позволяют заключить, что послание как письмо в стихах к конкретному лицу или деловая стихотворная записка было у Жуковского самостоятельным жанром с присущим ему специфическим содержанием, композицией и стилем. Причем не только реальный факт, вызвавший стихотворение к жизни, но и наличие конкретного адресата было одним из важнейших факторов, решающих о жанровой принадлежности произведения. Предполагаемый адресат в преобладающем большинстве случаев определяет как внешнюю форму (обращение), так и содержание посланий Жуковского, их стиль, метрическое строение, характер лирического героя и все остальные компоненты художественной структуры. Гусарская удаль звучит в дружеских посланиях к Д. Давыдову и Т. Боку. В посланиях к знакомым и родным преобладает элегический стиль, изредка появляются анакреонтические мотивы, арзамасский юмор и остроумие. Подчеркнуто серьезным тоном с элементами ораторской речи обращается поэт к „Вождю победителей", к „Императору Александру", „К кн. Д. В. Голицину". Послания к дамам двора и любовные послания получают, что постараемся доказать, совсем иной характер. Таким образом в эпистолярной лирике Жуковского мы видим настойчивое авторское стрем-

ление приспособить форму произведения и его эмоционально-содержательную сторону к психологии адресата и его личности, к атмосфере отношений с ним, а также к жизненному поводу, вызвавшему стихотворение. И не будет преувеличением сказать, что адресат выступает как самый важный формообразующий фактор художественного письма. Так что положение тех исследователей, которые называют адресата соавтором послания не лишено оснований.[7] В зависимости от адресата в эпистолярной лирике Жуковского можно выделить четыре типа посланий: общественно-патриотические, дружеские, любовные и придворно-бытовые.

Послания с „классической" ориентацией, написанные на общественно-патриотические темы и адресованные высокопоставленным официальным лицам, в творчестве Жуковского немногочисленны. Образцов таких посланий насчитывается у поэта около десяти. Начатые стихотворением „Вождю победителей" (1812), они создавались в разные периоды его творческой биографии. Последнее среди них — „Поэту Ленепсу", как уже было отмечено, закрывает собой жанр художественного письма в лирике поэта.

Два известных послания, написанные в годы национального подъема, в основе своего содержания имеют изображение исторических событий, но, согласно традиции, прославляют знатных. Так, в послании „Императору Александру" поэт излагает свой идеал просвещенного монарха, сила которого в его связи с народом. Он обращается к царю с требованием человечности и гуманизма к народу, преданности общественному долгу. Пусть с достоинством и без лести („Не власти, не венцу, но человеку дань!" 11,17), но все же здесь воспевается честь и хвала царю. Стихотворение явно отмечено официозной риторикой. В нем получили свое полное выражение классицистические законы, по которым строились дидактические послания. По правилам XVIII века поэт прибегает в нем, как и в послании „Вождю победителей", к александрийскому стиху. Идейно-эмоциональное содержание, „высокая" лексика и ораторский тон (изобилие риторических вопросов, восклицаний и повторов) приближали послание „Императору Александру" к одическому жанру.

В дальнейшей творческой работе Жуковского над посланиями торжественного строя наблюдается „снижение жанра". Особенно ярко проявляется такая тенденция в посланиях „Государыне вел. кн. Александре Федоровне. На рождение В. К. Александра Николаевича", „Князю Дмитрию Владимировичу Голицину" и „Поэту Ленепсу". Приветствуя в первом из этих посланий рождение будущего царя России,

---

[7] S. Skwarczyńska: *Teoria listu*, Lwów 1937, ss. 73—74.

автор в центре своего внимания ставит не властителей, а воспевает в вел. кн. Александре Федоровне материнство. Далеко не придворное угодничество выражено в этом стихотворении, но напряженное стремление познать законы человеческой жизни и мир материнской души: „Но как понять, что в час сей непонятный // Сбылось с твоей, младая мать, душой? [...] Младенчества обвитий пеленами, еще без слов, незрящими очами // В твоих очах любовь встречает он" (11,125). Данное произведение, формально примыкающее к одическим посланиям, по существу относится к образцам „поэзии мысли". Оно лишено высокопарного слога, которым написаны прежние послания Жуковского и его пансионские оды. Не риторическая и дидактическая, а лирическая манера изложения темы, попытка передать оттенки движения материнского чувства, превращают послание „Государыне вел. кн. Александре Федоровне..." в произведение интимно-психологической лирики.

Поэт стремился в своих официальных, общественно-патриотических посланиях быть искренним и удалить искусственный способ изложения тематического материала, а также всякую, идущую от классицизма, условность в трактовке образа героя. Лучшее доказательство этому — послание „Поэту Ленепсу", в котором автор касается исторических проблем. Для изображения судьбы России и роли Петра Великого в ее преобразовании, Жуковский находит простые слова, почерпнутые из разговорной современной речи, отказывается полностью от высокопарного стиля, натянутой риторики и характерной для классицистической оды мифологизации и гиперболизации героев. В освещении личности Петра I поэт акцентирует подлинно человеческие и реальные черты: „Твое отечество давно в родстве с моим: // Наш Петр ему был друг, Работником простым // В Сардамской хижине великий царь таился, // И, плотничая там, владыкой быть учился" (IV, 28).

Послания общественно-патриотические — дань преодолеваемой Жуковским традиции. Они нетипичны для него прежде всего по своей немногочисленности. Большинство его посланий составляют дружеские стихотворные письма, адресованные друзьям, родным и собратьям по перу. Такие произведения создавались поэтом как звенья в переписке, нередко — поэтической.

Дружеские послания явились жанром, зафиксировавшим в себе массу сообщений о тех мелких подробностях из жизненной и творческой биографии поэта, которые были сознательно им устраняемы из элегической и песенной лирики и могли найти отражение разве что в дневнике. Певец идеального, сосредоточивший в элегиях и песнях свое внимание на том, что скрывается за внешними жизненными про-

явлениями, в посланиях отразил черты обыденной действительности. Наблюдается контраст между поэтической мечтой, выраженной в элегической лирике, и между житейской прозой, составившей основу большинства посланий. Характерно, что Светлана (А. Протасова-Воейкова), в которой поэт воспевал элегическими стихами обычно ее идеальную, непорочную душу, в паслании „Что делаешь, Сандрок?" изображается как веселая и неистощимая в своих затеях проказница. Не менее показательно в этом отношении упоминавшееся уже стихотворение „Ноябрь, зимы посол", где философские раздумья о будущем переплетаются с необычными для Жуковского описаниями природы. Поэт воссоздает здесь не романтически отвлеченную одухотворенность природы, но насыщает пейзаж конкретной вещественностью: „Ощипанный белеет лес [...] И растопорщивши оглобли, сани ждут, // Когда их запрягут [...] Пусть вьюга на поле кипит // И снег в нас шапками бросает, // Пускай нас за носы хватает // Мороз, зимы сердитый кум" (11,85).

Домашняя тематика давала возможность запечатлеть в послании бытовые подробности и реалии. В лирику, таким образом, даже при описаниях природы вводилась проза жизни. В науке было отмечено, что прозаичность посланий Жуковского являлась сознательной авторской установкой.[8] Прозаизации были подчинены не только ориентация на домашнюю тематику и бытовые атрибуты, но также лексические и интонационные средства. Лексический строй произведений, адресованных знакомым и родственникам, характерен для устной речи: „до вечерни поболтать", „я печку затоплял", „живем да припеваем", „выкурить две трубки" („Записка к Свечину" — 11,86; „Записка к Баронессе" — 11,52). Таким посланиям присущи свобода и простота выражений, а неоднократно встречается в них и грубая лексика: „Ну, как же вздумал ты, дурак, // Что я забыл тебя! — О, Рожа!" („К Плещееву"; 11, 52).

Большинство дружеских стихотворных писем стилизовано поэтом под диалог с предполагаемым собеседником. И если „напевная" интонация была свойственна всей лирике Жуковского до такой степени, что на музыку клались неоднажды даже те его произведения, которые не создавались как песни, то послания составляют в ней особый раздел, где „выковывался", по выражению Сакулина, говорной стих.[9] Матяш утверждала, что поэт способен был создать в своих посланиях не просто говорной, но даже „разговорный" тип интонации.[10] Очень

---

[8] Ом.: Ю. В. Манн: „Поэтика русского романтизма", М. 1976, стр. 149.

[9] П. Н. Сакулин: „Русская литература, ч. 2. Социолого-синтетический обзор литературных стилей", М. 1929, стр. 434.

[10] Матяш: ук. раб., стр. 130—134.

показательна в этом смысле, не привлекавшаяся исследователями, восьмистишная „Шуточная записка. К Н. И. Гнедичу":

Сладостно было принять мне табак твой, о выспренний Гнедич!
Буду усердно, приявши перстами, к преддвериям жадного носа
Прах сей носить благовонный, и, сладко чихая, сморкаться!
Будет платкам от него помарнье, а носу великая слава!
Где ты сегодня? Что Алексей Николаевич? Лучшель
Стало ему? Постараюсь ныне с ним видеться утром.
Если бы ты, Николай, взгомозился зайти по дороге за мною,
Вместе б пошли мы, дорогой вещая крылатые речи друг другу! [11]

Использование белого стиха способствует здесь созданию впечатления спокойной беседы с отсутствующим другом. Стиль этого стихотворения тяготеет к обыденному разговору на будничные темы. Фразеологические конструкции типичны не для современного Жуковскому литературного обихода, а для просторечия. Вместе с тем в построении каждого предложения выступает завершенность. В стихе — прозаическая интонация со всем многообразием ее эмоциональных оттенков. Замедленный темп речи и синтаксическая растянутость („Если бы ты, Николай, взгомозился зайти по дороге за мною") сочетаются с лаконичными, свойственными живому разговорному языку, фразами („Что Алексей Николаевич? Лучшель стало ему?"). Таким образом, в стихотворении звучит не условный дидактический монолог, типичный для классицистических посланий, а непринужденная беседа с воображаемым другом. Специфика жанра располагает к прозаическому миросозерцанию — в результате происходит расшатывание гармонического стиха. Поэт не ищет здесь стиля, способного выразить многообразие духовной жизни, запечатлеть мгновение или воссоздать настроение. Он шутливо излагает благодарность другу за табак и в таком же тоне договаривается с ним о встрече. Но о здоровье Алексея Николаевича автор осведомляется подчеркнуто серьезным тоном, простым языком. Происходит сочетание грубоватой, необычной для идеально настроенной лиры поэта лексики („сморкаться", „помаранье", „взгомозился", „жадного носа") с типичными для него определениями и оборотами („выспренний", „сладостный", „благовонный", „ныне", „перстами", „вещая крылатые речи"). Традиционные возвышенно-поэтические эпитеты и метафоры носят здесь характер не условно-поэтический, но подчинены цели достичь шутливый и эмоционально-сдержанный тон повествования. И в этом особенность послания — пренебрежение иерархией, расположение на одной плоскости лексики

[11] „Собрание сочинений В. Жуковского", изд. 6-е, т. IV, 1869, стр. 503. В издании 1902 г. под ред. Архангельского данное стихотворение отсутствует.

отвлеченной и конкретно-вещественной. Произошло смешение различных стилистических пластов, чем открывалось богатство новых возможностей.

Многие адресаты переводных посланий названы у Жуковского согласно бытующей традиции античными именами: „К Делию", „К Эдвину" и т.п. Это вымышленные или заимствованные из источника („Послание Элоизы к Абеляру") имена. Но в эпистолярной лирике Жуковского довольно часто наблюдаются и оригинальные стихотворения, в которых под вымышленным именем подразумевается подлинная личность. Сказанное касается преимущественно посланий, адресованных женщинам. Все без исключения любовные его стихотворения озаглавлены вымышленными именами, или же лишены какого-либо намека на имя героини: „К Ней", „К Эмме", „Мальвина", „К Светлане", „К Нине" и др. Но в данном случае мы имеем дело не столько с данью традиции, сколько с жизненно оправданным приемом, так как большинство стихотворений любовного содержания посвящено Маше Протасовой. Как известно, мать ее, Екатерина Афанасьевна, наложила категорический запрет на упоминание не только в жизни, но и в поэзии о чувстве поэта к ее дочери. Однако не все из адресованных женщинам стихотворений относятся к М. А. Протасовой и не всем им свойственно любовное содержание. Послание „К Светлане", например, обращено к ее сестре А. Протасовой-Воейковой.

У Жуковского насчитывается, начиная с 1806 г. („К Эдвину") по 1819 г. („Мойеру"), свыше десяти любовных посланий. Любовь в них изображается в характерном для всей интимной лирики поэта аспекте. Это чаще всего трагическое, неразделенное или запретное чувство. Таковы послания „К Эдвину", „К Эмме", герои которых изливают свои печальные чувства в связи с предстоящей разлукой с любимым человеком. Таково „Послание Элоизы к Абеляру", основанное на хорошо известном в литературе XVIII в. эпизоде из жизни богослова Абеляра и его возлюбленной Элоизы, находящейся в монастыре. Особое место по своему содержанию занимает среди этих посланий стихотворение „К Ней", найденно в бумагах М. А. Протасовой после ее смерти. Оно отличается конденсацией и остротой лирического переживания. В нем не печаль передана, а возвышенный восторг и преклонение перед любимой. Для автора очень важно передать психологическое наполнение чисто платонического переживания: любовь — это тайна, выразить которую невозможно. Подсознательно во всем стихотворении звучит мелодия интимно-торжественной молитвы: „Прелесть жизни твоей, // Сей образ чистый, священный, — // В сердце как тайну ношу. // Я могу лишь любить, // Сказать же, как ты любима, // Может лишь вечность одна!" (1,68).

Такая мелодически напевная интонация характерна для всех любовных эпистол Жуковского. Отмеченная нами в дружеских посланиях тенденция к преобладанию говорного стиха в данном случае отсутствует полностью. Представляя собой проникнутый любовной страстью патетический монолог, обращенный к адресату, большинство из этих стихотворений являются по своей форме и содержанию скорее песнями и романсами, чем посланиями как таковыми. Примечательно, что стихотворение „К Ней" было положено на музыку.

Любовным посланиям Жуковского, в противовес дружеским, свойственна, как правило, строфическая организация („К Эдвину", „К Ней", „К Эмме", „Мойеру"). Им чужда, кроме того, вещественность и конкретность, характерная стилю дружеских посланий. В них преобладает духовность, передаются едва уловимые смысловые оттенки и переходные психологические состояния переживаний. Поэт употребляет в них слова, почти целиком лишенные реальных значений. Определяющей чертой стиля любовных посланий Жуковского становится нематериальный эпитет, через который выражается оценочный тон стихотворения: „Когда ты — пленившись потока журчаньем; [...] Иль сладостным пеньем в дали соловья, // Иль веющим с юга душистым зефиром, // Несущим свирели далекия звук, // Иль стройным бряцаньем полуночной арфы, — // Исполнишься тихим, унылым мечтаньем" („К Нине"; 1,55—56).

В эпистолярной лирике Жуковского существует целый цикл (свыше 20) стихотворений, вызванных обстоятельствами придворной жизни и адресованных в подавляющем большинстве случаев дамам двора (гр. Шуваловой, кн. Хилковой и др.). Они создавались поэтом с 1819 по 1831 год, причем 14 из них было написано в 1819 г. Будучи незначительными по содержанию и объему, как, например, „Циркулярное послание к чувствительным сердцам", данные стихотворения никогда не попадали в поле зрения ученых. Тем не менее в этом цикле встречаются такие образцы эпистолярной лирики, которых недооценивать нельзя.

Большинство из придворно-бытовых стихотворных писем Жуковского представляют своего рода поэтические экспромты по вопросам частного значения, форма которых не очень „отшлифована". Это прежде всего писанные на скорую руку разного рода неофициальные, сугубо деловые или шутливые записки. Их объем иногда заключается в пределах четырех строчек, а круг затрагиваемых проблем совсем мелочный: похороны белки („В комитет, учрежденный..."), разные породы собак („К А. Ф. Голицину"), толкование сновидений („Я с благодарностью сердечной извещаю"). Взяться за перо побуждает поэта

и уроненный княжной платок — возникает „Исповедь батистового платка".

В отличие от баллад, песен и романсов, от исполненных пессимизма элегий, все проблемы, которые нашли отражение в этих посланиях, решались в совершенно ином тональном ключе. Тон упомянутых и подобных им придворных посланий Жуковского юмористический и фривольный. В них легкая, остроумная шутка переплетается с флиртом, типичным для куртуазной поэзии. Таковы, к примеру, два послания „К графине Шуваловой", которым свойственны мажорный стиль и мадригальный характер содержания, таково стихотворение „Вчера я вас не убедил", адресованное гр. Самойловой: „Не знаю, быть красноречивым, // Умел ли б Цицерон при вас; // Но только знаю, что подчас // Хотя и рад бы стать болтливым, // Но все растеряны слова, // И бродит кругом голова!" (III, 20).

Мелочные, но конкретные случаи, вызвавшие эти послания, обязательно указывались в заглавиях. Заголовки данных писем очень часто нарочно усложнены и построены таким образом, что не остается сомнения о фривольном их характере: „Ея превосходительству, Варваре Павловне Ушаковой, их сиятельствам [...] от некоторого жалкого стихотворца прошение". Иногда такие послания стоят на грани литературного и нелитературного творчества и являются лучшей иллюстрацией мнения о том, что художественная ценность стихотворного письма зависит от интеллектуального уровня и психологического облика адресата. Наполняя свои стихи „галиматьей", характерной для арзамасских протоколов, сам поэт серьезно к ним не относился. Они создавались ради забавы и шутки, и противоречат общепринятому суждению о поэте, как об однообразном певце скорби и уныния. Но придворно-бытовые послания Жуковского представляют интерес не только как проявление второй, юмористической стороны таланта и натуры поэта. Характер их был определен реальными интересами жителей Павловска и в них нашла свое отражение атмосфера придворного, а точнее фрейлинского быта. Несмотря на резкую критику современниками куртуазных посланий Жуковского, они сыграли свою роль в развитии стиховых форм русской поэзии. В таких произведениях автор не заботился о соблюдении установленных поэтической традицией норм (сознательно нарушал их). В результате рождались новые качества: появлялись новаторские семантические сочетания, метафоризм стиля и другие вкоренившиеся с течением времени в литературе черты. Посредством придворно-бытовых посланий Жуковского разрушалась установленная классицизмом граница между литературой и жизнью.

Наблюдения над отдельными типами посланий Жуковского позволяют сделать вывод теоретического характера относительно самой жанровой специфики послания. Творческая практика Жуковского выявила существование двух форм послания: письма в стихах и поэтического послания (стихотворение в форме письма).[12] Обе формы не были осознаны поэтом теоретически. Каждая из них произрасла из жизненной почвы. Различие между ними заключается в соотношении литературных и эпистолярных признаков.

Письмами в стихах были нетипичные для романтической лиры Жуковского, дружеские и придворно-бытовые послания. Их основа подлинно эпистолярная, ибо кроме наличия конкретного адресата, эти произведения были вызваны реальным, имевшим место в жизни автора случаем. Цели их создания всегда были сугубо практические: стремление донести до адресата конкретную информацию или просьбу. Таково „Письмо к А. Л. Нарышкину", содержанием которого является сообщение о скором переезде автора в Петергоф и просьба к адресату приготовить благоустроенную квартиру. Нередко встречаются стихотворения, содержащие договор о времени и месте встречи с адресатом („Записка к Свечину", второе и третье послания из цикла „Т. Е. Боку" и др.). Некоторые послания являются письмами-ходатайствами о ком-либо: „К Кавелину (ходатайство по поводу некоего Гаспари), „К Столыпину" (ходатайство по делу разорившегося белевского купца Зверева). Многие из таких стихотворений в заглавиях прямо названы письмами или записками. Неоднажды в них соблюдались стереотипные приемы письма. Так, по всем правилам эпистолярного жанра написаны: „Записка к баронессе (М. А. Черкасовой)" и „Письмо к А. Г. Хомутовой". Они оканчиваются добавлением „P.S." и шаблонными пожеланиями. Характерно также, что некоторые послания начинаются прозаическим, типичным для письма обращением и завершаются таким же эпистолярным, написанным прозой, окончанием. Лучшим примером может служить послание „К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину", которое открывается словами бытового письма: „Милостивый государь Василий Львович [...]" (II, 45). Оканчивается оно словами такого же характера: „Милостивые государи, имею честь пребыть вашим покорнейшим слугою. В. Жуковский" (II, 50).

Названные здесь и подобные им стихотворения целиком наполнены деловым содержанием и изложением информации об актуально волнующих поэта событиях. Дружеские послания редко создавались с установкой на печать. Придворно-бытовые — никогда. Поэтому о художественной ценности таких посланий, что отмечалось выше, автор

[12] Por. Skwarczyńska: *op. cit.*, s. 340.

не заботился. Зачастую информационная сторона содержания поглощала в них художественные приемы и авторскую оценку смысла происходящего. Первоосновой таких посланий была не поэтическая, а именно эпистолярная стихия. Это не стихотворения в форме письма. Это письма в стихотворной форме.

Совершенно противоположное явление наблюдается в общественно-патриотических и любовных посланиях. В них использована не сама сущность письма, а лишь некоторые формальные его элементы, как, например, обращение к адресату. Характерно, что адресатами любовных посланий не всегда были подлинно живущие люди, ибо половина из этих посланий представляют собой переводы и переделки из иностранных источников („Послание Элоизы к Абеляру", „К Эдвину" и др.). Адресатами же общественно-патриотических посланий, создаваемых тоже с расчетом на печать, были официальные высокопоставленные лица. Но в данном случае стихотворения возникали не на основе личных контактов автора с адресатом, а как результат абстрактных представлений о нем. Как любовные, так и общественно-патриотические послания были вызваны не узко практической целью, но порывом творческого вдохновения под влиянием нахлынувших патриотических чувств или любовной страсти. Поэтому в содержательном строе таких посланий на первый план выдвинут не интеллектуальный элемент, а эмоциональная и чувственная стихия. Высокий одический слог (общественно-патриотические послания) и задушевный лиризм (любовные послания) были приспособлены к адресатам (высокопоставленное лицо или любимая женщина). Информационная и деловая сторона письма устранялись отсюда полностью, а первичным оказывался здесь литературный, а не эпистолярный элемент. Формальная сущность письма была использована в этих посланиях с той исключительно целью, чтобы обогатить художественную структуру произведения новыми средствами выразительности. И так как весь художественный строй этих посланий подчинен в большей мере литературному, чем эпистолярному элементу, то называть их письмами не приходится. Это не письма в стихах, это стихотворения в форме письма, т.е. поэтические послания.

Подытоживая настоящее наблюдения следует констатировать, что жанр послания, количественно преобладающий в лирике Жуковского, вырастал из подлинно эпистолярной основы. Поэт понимал послание как астрофическое по форме, вызванное конкретной жизненной обстановкой стихотворение, адресованное конкретно живущим людям. Важнейшим формообразующим звеном посланий Жуковского был их адресат, в зависимости от которого можно выделить четыре типа произведений: общественно-патриотические, дружеские, любовные и при-

дворно-бытовые. Для каждого из названных типов посланий присущи специфические черты как в идейно-тематическом, так и в художественном аспектах.

Создавая четыре, зависимых от адресата, типа посланий, автор „Светланы" прибегал, сам того не осознавая, к двум жанровым разновидностям эпистолярной лирики: к письму в стихах и поэтическому посланию.

STRESZCZENIE

Liryka epistolarna W. Żukowskiego nie była dotychczas przedmiotem głębszych zainteresowań naukowych. Stanowi ona jednak najbardziej obszerną część jego spuścizny poetyckiej. Autor *Ludmiły* nie pozostawił teoretycznych uogólnień dotyczących omawianego gatunku. Obserwacje poczynione w niniejszym artykule pozwoliły ustalić, że posiadał określoną jego koncepcję. Wiersz epistolarny pojmował poeta jako utwór o formie astroficznej wywołany do życia konkretną sytuacją życiową i adresowany do konkretnej osoby. Najważniejszym czynnikiem formotwórczym był adresat, w zależności od ktorego można wyróżnić cztery typy utworów: dworskie listy obyczajowe, społeczno-patriotyczne, listy przyjacielskie oraz miłosne.

Tworząc wymienione typy wierszy epistolarnych Żukowski stosował dwie formy: list wierszem (obyczajowe listy dworskie i przyjacielskie) oraz list poetycki (listy miłosne i społeczno-patriotyczne). Listy wierszem prześladują cele ściśle utylitarne, a pierwotnym jest w nich element epistolarny. Zaś struktura listów poetyckich jest podporządkowana nie tyle epistolarnym, co literackim celom. Asymilowały one tylko niektóre formalne cechy listu.

RÉSUMÉ

La lyrique épistolaire de W. Żukowski n'a été pas prise jusque-là comme objet d'une profonde étude scientifique. Elle constitue pourtant la partie la plus vaste de sa création poétique. L'auteur de *Ludmiła* n'a pas laissé de travaux théoriques traitant du genre discuté. Néanmoins, les observations faites dans le présent article ont permis de constater qu'il en possédait sa conception à lui. Par le poème épistolaire, il comprenait le vers astrophique, inspiré par une situation concrète et adressé à une personne. Le destinataire était l'élément de base le plus important. En s'y référant, on distinguerait quatre types de poèmes: lettres courtoises de moeurs, lettres sociopatriotiques, lettres aux mais, et lettres d'amour.

Dans tous ces types de poèmes épistolaires, Żukowski employait deux formes: lettre en vers (les lettres courtoises de moeurs et aux amis) et lettre poétique (les lettres d'amour et sociopatriotiques). Les lettres en vers condamnent les buts purement utilitaires et l'élément épistolaire y est primordial. La structure des lettres poétiques, à son tour, est dominée par les buts littéraires. En effet, ces poèmes n'ont emprunté à la lettre que quelques traits formels.